

«НЕ НАМ, НЕ НАМ, А ИМЕНИ ТВОЕМУ!»

Гладышев В.Ф.

В последнее время незаметно, медленно, но верно укрупнилась фигура императора Александра I. Для тех, кто изучал историю в советские годы, удивительно было узнать, что царь не просто сидел в столице и устраивал показную деятельность, рассчитанную большей частью на запад. Уже с первого указа, изданного императором 6 июля 1812 года, была ясна его четкая, энергичная позиция:

«...Взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным. Приглашая их вместе с нами содействовать противу всех вражеских замыслов...да встретит он (враг) в каждом дворянине – Пожарского, в каждом духовном – Палицына, в каждом гражданине – Минина».

Портрет императора Александра I. Картина

Рыбинский государственный историко –архитектурный и художественный музей – заповедник

И впредь царь всегда держал руку на пульсе (на то он и самодержец). Неуклонно и жестко он вел страну к тому, чтобы одолеть сильного врага. Его позиция: никакого перемирия, мы должны наказать Наполеона за оскорбление, нанесенное им России. Так – и не иначе!

В память о победе в Отечественной войне 1812-1814 гг, император Александр I учредил ряд наград. В 1815 году повелел наградить каждого чиновника и гражданских ведомств бронзовой медалью с библейской мудростью: «Не нам, не нам, но имени твоему!». Каждому священнику был пожалован памятный бронзовый наперстный крест.

БЛАГОДАРНОЕ ПЕРМСКОЕ ОБЩЕСТВО

Вечером 30 сентября 1824 года три открытые коляски, в одной из которых ехал император, с грохотом проскочили мимо обелисков Сибирской заставы. Многотысячная толпа ожидающих грянула «Ура!». Так начался визит в Пермь Александра Первого, или Благословенного как стали его величать после одоления Наполеона.

Это был первый визит действующего императора в «пермские дремучие леса», как называл наши края А.С. Пушкин. О пребывании царя рассказывалось в «Очерках из истории губернского г. Перми с основания поселения до 1845 года» А.А. Дмитриева. В свою очередь историк полагался при этом на публикации любителя пермской старины А.Г. Кашина и летопись Ф.А. Прядильщикова. Но вот достаточно ли подробно освещалось событие? У нас есть все основания полагать, что некоторые моменты визита, и весьма существенные, были обойдены вниманием. Почему-то остались в тени также замечательные пермяки, с которыми соизволил беседовать император. О причинах этого и пойдет речь в наших заметках.

Вдумываясь в мотивы поведения Александра Павловича на пермской земле, пытаюсь постичь суть событий и, вроде бы, случайного стечения обстоятельств, я невольно приходил к пониманию того, насколько яркой, неординарной личностью был этот человек. Если же помнить о том, что ему оставалось жить на этом свете немногим более года, все встречи и беседы, проведенные им в Перми, приобретают несколько иное значение, наполняются глубинным смыслом.

Удивляет многое, начиная с первых его шагов по пермской земле. Прямо с дороги император попросился переодеться в доме, стоявшем поблизости от заставы, это оказалась квартира губернского архитектора И.И. Свизева. Хотя все движение августейшего путешественника было расписано чуть ли не за год, и квартиру для высокого гостя приготовили в лучшем здании, там, где находилась квартира берг-инспектора, а затем размещалась на протяжении многих десятилетий казенная палата и казначейство. Но такой уж это был человек: ему словно тесно было в придворных рамках, он то и дело нарушает многочисленные предписания и им же самим одобренные уложения, правила, чугунное притяжение петровской табели о рангах и т.п.

С народом царь-батюшка вел себя привычно просто и уважительно, без снисходительности. И народ отвечал ему восторженной благодарностью. Когда гость удалился в приготовленные покои почивать, поприветствовав в очередной раз собравшихся с балкона двухэтажного каменного здания, толпа слегка рассеялась, но «многие улеглись на ночевую тут же на площади, перед дворцом» (!). Чтобы рано поутру, в 5 часов, как только государь появился на балконе, грянуть новое «Ура!».

Государь был настроен вполне миролюбиво. Ему откровенно нравилось пермское общество, в котором он увидел людей непосредственных, простодушных и нравственных. Какого великолепного осетра – еще живого! — приволокли ранним утром к дворцу местные рыбаки. Принесли рыбину прямо в лодке, наполненной водой, чем немало удивили царя. И после того, как чудо-рыбина была осмотрена лейб-медиком Вилье, камский трофей отправили на царскую кухню.

Второй день своего пребывания в Перми Александр Павлович посвятил знакомству, а, лучше сказать, инспектированию богоугодных, казенных и общественных заведений. 2 сентября он посетил тюремный замок, а оттуда отправился осматривать богадельню приказа общественного призрения. Находилась богадельня, как установил протоиерей Алексей Марченко, при Всехсвятском кладбищенском храме (тогда еще деревянном).

На Егошихинском мосту к императору обратились с просьбой бедные жители предместья Егошихи (бывшего завода) о дозволении им селиться у подошвы горы и прежние ветхие строения заменять новыми, что им запрещалось городом. Государь, улыбнувшись, сказал, что всякий по состоянию волен строить себе дом в городе, но не в этой слободке, которая безобразит город; поэтому старые дома могут простоять до изгною, а новых ставить не разрешается. Летописцу показалось (но только показалось!), что он сделал вид, что все уладилось, а «толпа осталась довольна и крикнула «Ура!»».

Когда Александр Павлович осмотрел фабричные заведения на заводе, склады руды и угля, частные здания, то вдруг отпустил такое замечание:

— Верно, у берг-инспектора более денег, чем у меня: казенная фабрика покрыта тесом, а дом берг-инспектора – железом и выкрашен...

Вроде бы, сказано в полушутку, но кто знает, чем может дело кончиться, когда речь ведет сам император. Известно, как наказывал расхитителей казны знаменитый предок гостя, Петр Великий.

НЕ КАЗНИТЬ, НО МИЛОВАТЬ

Такой был настрой у императора в пермское пребывание - не казнить, но миловать. Посещение тюремного замка Александром I уже обросло легендами, выдумками; появилось и несколько писательских версий (одна из самых удачных, на наш взгляд, предпринята Леонидом Юзефовичем в повести «Обручение с вольностью»). Нас же интересует то, как было «на самом деле». Сохранилось несколько свидетельств очевидцев этого примечательного исторического визита в дом скорби.

Арестанты были выстроены в шеренгу. Государь каждого арестанта спрашивал, за какое преступление он содержится; каждый старался в немногих, но сильных словах высказать свои страдания и невинность. Только один арестант пал в ноги государю и чистосердечно сознался в краже. Государь велел ему встать и сказал:

— Бог тебя простит; прикажите уволить его отсюда в его место жительства, он один оказался виноватым, и виноватому с правыми быть вместе нельзя». (!)

«Правым» же государь порекомендовал защищать себя законным образом.

Узнав затем, что в тюрьме содержится один убийца, который через две недели после свадьбы бритвой зарезал свою молодую жену, государь повелел облегчить, сколько можно, участь несчастного (!). Того сослали впоследствии в Соликамский монастырь – на покаяние. Милость государева коснулась и узванного им в тюремной больнице князя Имеретинского Пхейдзе, который следовал в Сибирь по приговору генерала А.П. Ермолова, главнокомандующего Кавказской армией. Александр повелел оставить князя в Перми, дав ему свободу (!), и даже определить на службу, когда он выучится русской грамоте.

Все эти поступки Александра Павловича говорят о том, что мыслями он был уже... как будто не здесь, не на грешной земле. 46-летний император определенно готовил себя к иным пределам. Поэтому ему были интересны люди, с которыми он мог побеседовать на духовные темы, часто потусторонние.

Не надо забывать свидетельства близких Александра Павловича о том, что с царем в последние месяцы происходили странные метаморфозы. После победоносной Отечественной войны по инициативе Александра был образован Священный союз из государей христианских народов – для объединения всей Европы на основах евангельских истин и для борьбы с разрушительными революционными брожениями масс. Союз объединил монархов России, Австрии, Пруссии, Франции и Англии, просуществовав почти двадцать лет, до 1833 года. Таким образом, роль русского императора в объединительном европейском движении весьма значительна.

СТАРЕЦ КУЗЬМИЧ

Как замечали окружающие, к началу 1820-х император Александр словно утратил свой обычный деятельный оптимизм. Даже получив сведения о существовании заговора с целью изменения формы верховного правления в России – исходила угроза от офицерства, побывавшего в европейских походах, – Александр не принимал мер против заговорщиков.

У него словно опустились руки, мысли его были заняты другим. Война, пережитые волнения и борения сильно изменили его. Настолько, что вторая половина правления Александра разительно не похожа на первую. Монарх стал тяготиться своим положением. Вспоминают, что Александр стал задумчив, почти не улыбался; несколько раз даже выражал намерение отказаться от престола и удалиться в частную жизнь. В одной лишь религии находил утешение и облегчение своих душевных тревог. Он увлекся религиозно-мистическими учениями, представителей которых принимал и у себя во дворце, и отыскивал в разных уголках и монастырях во время своих участвовавших путешествий. Создавалось стойкое впечатление, что император как будто не находил себе места под грузом тяжких неотступных мыслей. И только в последние месяцы, как раз во время пребывания в Пермской губернии, он словно нашел относительное успокоение, некоторый противовес бесконечным душевным тревогам. Очевидцы свидетельствуют: на лице императора вновь стала появляться улыбка. Улыбался он как будто каким-то своим внутренним догадкам, созвучию мыслям.

И как тут не вспомнить странную кончину императора в Таганроге, она последовала 6 декабря 1825 года. И легенду о том, что умер не царь, а другой человек, произошла подмена, с тем, чтобы императору было удобнее принять монашеский облик старца Федора Кузьмича. С одной стороны, в такую подмену, на таком высоком уровне, слабо верится. А с другой стороны, именно на таком высоком уровне, у царского окружения больше возможностей для подобных «операций».

В Перми, кстати, впервые появляется Кузьмич – так звали отставного солдата, сторожа при губернаторской канцелярии. Императору были представлены отставные военные чины, состоявшие под призрением комитета о раненых. Рядовые и унтер-офицеры построились на улице, а обер-офицеры – в зале дворца. Побеседовав с несколькими офицерами, государь пожелал затем, чтобы ему был представлен старик, явившийся в старинной форме. Звали его все Кузьмич – и только Кузьмич, без имени. Человек, потерявший имя, привлек особое внимание высокого гостя.

— При ком ты начал служить, старинушка? – спросил его государь.

— При ее благородии блаженной памяти матушке Екатерине! – отвечивал старик.

Государь улыбнулся. На прощанье он пожаловал Кузьмичу новенькую «красненькую» (десять рублей).

Александр Павлович долго беседовал также с другим известным пермским старцем – епископом Иустином, доживавшим свой век уже на покое. При этом царь еще раз удивил своих царедворцев и пермских чиновников. После литургии в кафедральном летнем соборе он вышел из собора и один, без всякой свиты направился мимо памятников архиерейского кладбища прямо к дому в саду, где жил престарелый епископ. Как засвидетельствовал летописец, появление в покоях самого императора было совершенной неожиданностью для старца. Приняв благословение, государь упросил старца сесть на софу, а сам, придвинув стул, сел против него и стал расспрашивать. Епископ Иустин (Вишневецкий) служил на пермской кафедре практически всю славную александровскую эпоху, с 1802 по 1823 гг. – и закончилось его земное брненное существование через год после кончины императора.

Когда читаешь об этих беседах, почему-то кажется, что в Перми в те сентябрьские дни уже ходил, примеряя новую личину, таинственный старец Федор Кузьмич. Тот самый «перевоплотившийся государь», в существование которого поверил такой великий психолог, как Лев Толстой.

На здании бывшей казенной палаты (ныне городской администрации) до сих пор нет мемориальной доски в память пребывания здесь в 1824 году выдающегося исторического деятеля, российского императора Александра I. Мемориальной доской можно отметить также здание бывшего архиерейского дома. Надо восстановить и вторую ротонду, построенную в 1824 году Иваном Свизевым (находилась она на набережной, примерно в створе улицы Оханской-Газеты «Звезда»).